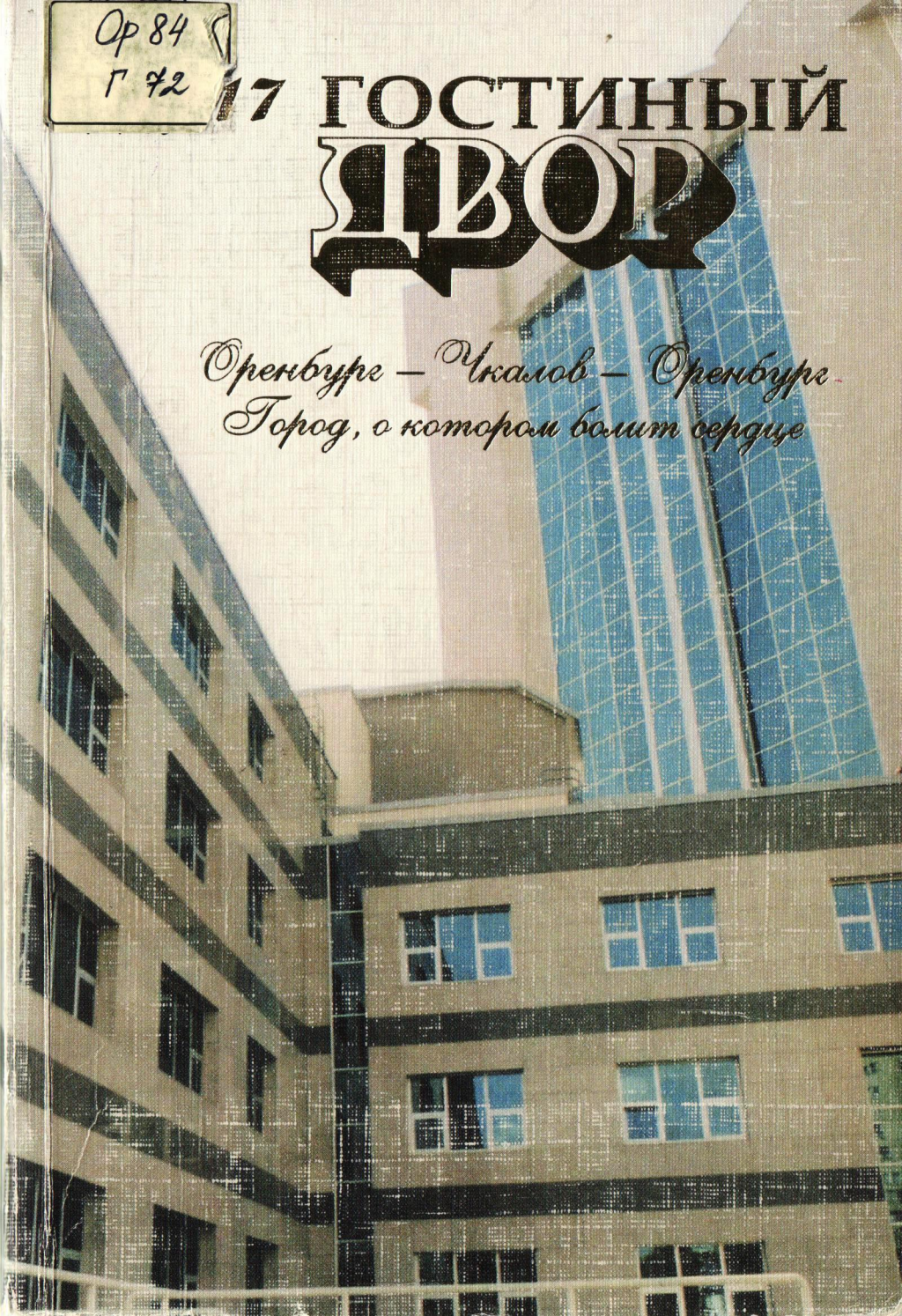

Ор 84

Г 72

17 ГОСТИНЫЙ ДВОР

*Оренбург — Челябинск — Оренбург
Город, о котором болит сердце*

Николай КОРСУНОВ

ОЖИДАНИЕ

Рассказ

*Николай Фёдорович Корсунов
родился в 1927 г.*

*в селе Красноармейское
Уральской (ныне Западно-
Казахстанской) области.*

*Во время войны работал
в колхозе, в 1944 г.*

был призван в армию.

*Окончил снайперскую школу
(в Бузулукском бору),
служил на Балтийском
флоте.*

*Прозаик, драматург,
очеркист.*

*Член Союза писателей России,
председатель Оренбургской
организации Союза
писателей России.*

Живёт в Оренбурге

Жа белом крашеном подоконнике Анна Ивановна пластает стопу ученических тетрадей, исчербявая их красным, вздыхает: нет, не вижу среди вас, ребята, Ньютонов да Ломоносовых! И меж делом глядь-поглядь за окно: не идёт ли, не бредёт ли ненаглядный? Пора бы вроде. Какой он у неё? Вестимо, лучше всех! Вылепил его Господь из глины, любовно оглядел изделие и напоследок – н-на тебе: большим пальцем выдал на подбородке ямку. Славная такая ямка получилась! Мало? Н-на тебе ещё! Полной кистью – в глаза. Такая синь, такой ультрамарин – доныне девки с бабами оборачиваются: вот повезло какой-то, поди, раскрасавица! Да уж какая есть, не хуже других всяких, без прикраса, без алмазных цацок. Что фигура, что глаза, что задористая курносинка!.. Двадцать годочков вместе...

Раньше не дозорила тут, раньше Федя останавливался посередь двора, кругляшом зеркальца ловил вечеряющий луч и выстреливал им в потолок, а ежели она выглянет – в лицо ей. Доволен, рот до ушей – хоть завязочки пришей. Сейчас не озорничает. Зеркало потерял? Нет, говорит, разбил. Разбилось. Чего там – жизнь разбилась. Душа пуста, как гнездо, из которого улетели весёлые птицы. Вот и дежурит, будто возвращения тех птиц ждёт. Прибежала из школы, переоделась, нажарила картошки – и к окну. С тетрадками, разумеется, с авторучкой, красным, кровоточащим заправленной. Из кухни – картошкой, из распахнутого окна – клейким юным листом престарелой берёзы, переросшей их третий этаж. Шастнул ветерок, и она заломила вслед ретивому, молодому ветви: не оставляй! Или осточертел тополь-сосед сломанной в давности вершиной?

Чует эти движения природы, эти бередливые её за-пахи молодящийся дедок из соседнего подбезд. Во-во, в своём амплуа: тычет бледным указательным пальцем

во впалую дистрофическую грудь бредущего своими заботами бомжа:

— Что я тебе скажу, молодой человек! Если хочешь, чтобы твоя жена не грустила, не приходи домой навеселе...

Бомж посылает его подальше, а сам задирает голову, — там, на восьмом этаже, похоже, лоджию стеклят, стук-грюк слышен:

— И-эй, вам работы нужны?!

— Не-е-т!

— Я б вам наработал, суки, — силло бормочет себе бомж и шествует дальше.

Дедок обиженно и осуждающе качает одуванчиком головы. Нет, вы только подумайте, каким паинькой стал! После того ЧП. Весь дом животами расхворался, смеючись да хохоча, а ему-то, конечно, ему было не до смеха. Случилось такое: закрылся с дамой сердца в гараже. Слабенького выпили — мало показало. Побежал за крепеньким. А её — на замок в гараже. Через три дня очухался: где я? В больнице! Машина сбила. Брат наведался, он ему — секрет: на ключ, открой! Тем временем пассива ела квашеную капусту, доставая из погребка, банками же с капустой била машину. А когда брат хозяина открыл гараж, она, не разглядев, огрела его по голове лопатой, и тот оказался в той же палате, где и первый. Выписавшись, дедок не столько о машине переживал, сколько об ушедшей жене: «Понимаете, жуткое состояние. Будто некто другой кинул её поперек седла и рванул поводья — в лицо моё лишь ошметья грязи из-под копыт. И все на тебя смотреть, как на дурачка!..» А кто же ты? Знамо дело, дурак...

Это же сколько раз встретил он её Федю, а, сколько раз потыкал пальчиком в размашистую грудь Федину, печалась о грусти его жены? Ну, нет, чего там ни говори, а она считает, что подпитый её Фёдор лучше, чем тверёзый. У тверёзого щетина, иглы дыбом, не тронь! Хлебают за столом, жуёт — голова к тарелке свешена, нет божьей ямки, нет божьего улытрамарина, одни брови грозовые, углом наспуленные, одни уши, подневнольно шевелящиеся вслед за движением челюсти. Запёт кружкой холодной воды из-под крана — и на диван, скрипящий как рассохшиеся сани, поехал: руки за голову, ноги — крест-накрест. Вро-

де как одолжение сделал, что пришёл, что поел. Вроде как бабу на стороне заимел. Вроде как в доме лишь телевизор да он. Один брешет без передыху, другой внимает. Она — в спальне в такие вечера, Тоська — в своей комнате... Судьба — не приведи Всевышний! Что делать, вчерашнего дня не вернёшь, а от завтрашнего не увильнёшь...

Зато в подпитии — о! Тут на «ящик» ноль внимания, даже если и включён, ходит по квартире, каламбурит, хохочет. В книги лезет. Вслух читает. Всегда что-то новое, не-ожидающее.

— Слушай, Нюра! Четырнадцатое сентября, 1931-й год, Сталин в Сочи на лечении. Пишет жене Алилуевой: «Здравствуй, Татьяна! Письмо получил. Хорошо, что научилась писать обстоятельные письма. Из твоего письма видно, что внешний облик Москвы начинает меняться к лучшему. Наконец-то! «Рабочий техникум» по электронике получил. Пришли мне, Татьяна, «Рабочий техникум» по чёрной металлургии. Обязательно пришли (посмотри мою библиотеку — там найдёшь)...» Клёво, как говорят нынешние мальчишки! Пётр учился, и Сталин учился, не то что...

Или вдруг — другое:

— Знаешь, что Жан-Жак Руссо сказал? Больше двухсот лет назад. «Терпение — это добродетель ослов, а не людей». Каково, а? Про нас это...

Да, хорошо, когда Федя в подпитии. Будто они ещё там, в родной деревне, молодые... Хорошо, да не очень, конечно. Втянется, сопьётся. Даже если станет образцово-показательным алкашом, который напьётся и мирно спит в первой же канаве, — какая уж тут радость? А к тому, похоже, идёт. На что пьёшь, Федя? На пролетарские, Нюра! Там, куда я хожу, пролетарии всех стран соединяются. Особенно много, слышь, из Казахстана и Чечни...

Ишь, ишь, чего хочет! Сесть. Трепеща чёрно-зелёными крыльями, скворец опустился и взлётывал, опускался и взлётывал, пытаясь каракульками розовых лапок поймать оперившуюся прядь берёзы. Зато галка пала смело, цепко, раскачалась на ветке, как на качелях. Сама чёрная, а головка серая, на грудке — матросочкой — белый

воротничок. Эффектна в бледно-зелёной кисее листвы. Уставилась сиреневым глазом, верно, пытаясь угадать бабы думы. Не угадала. Улетела, шлёпнув на асфальт белую кляксу. А ты оставайся со своими думами и ожиданиями.

Сейчас на дачу б Фёдора, лопату ему побольше, грабли пошире... Всегда отдушиной и радостью была. Потом – перестала. Сначала лихие люди двери и рамы выломали, унесли. В прошлом году и вовсе спалили – видно, алкаши ночевали. Обесточивают, провода снимают без конца... А нынче утопило их малую кормилицу – когда теперь сойдёт вода! Каким небесам, какому Господу жаловаться?

Федя говорит, что там, куда он ходит, львом работает заяц. И постоянно якобы поучает свой неотёсанный контингент: «Вы, граждане, спуститесь с небес на землю... Пристегнитесь ремнями, спинки кресел приведите в вертикальное положение. Воздержитесь от хождения по инстанциям...» А как не ходить, задаётся вопросом Фёдор, если зайцу пришёл циркуляр максимально сокращать наш контингент? А это что для нас, спрошу тебя я, Нюра? Это – смерти подобно. Очень жаль, говорит, Нюра, что сверху спускают циркуляры, а не их авторов. В доисторические времена, говорит, обезьяну выманивали из джунглей бананом и делали из неё человека, теперь наоборот: бананом заманивают людей в джунгли...

Не идёт ли? Отложила авторучку, навалилась упругим, молодым бюстом на похолодавшее подокожье, надолго высунулась, понаблюдала с верхотуры: не люди – людишки суетятся там, внизу, каждый со своей авоськой или сумкой, с большими думами и малыми радостями. Тоже, наверное, как у неё: пустой кошелек, пустые думы... Как судить? Недавно Фёдор встретил случайно знакомого писателя, местную знаменитость, книги его – вон, на полке. Спросил про жизнь, а тот: «Не знаю, как до пенсии дотянуть. Обещаю вахтёром устроить: сутки отдежурил, трое – отдыхай, пиши романы... Для кого? Кто их будет издавать? И кто читать? У меня внуки школу заканчивают, но ни одной книги из моей библиоте-

ки даже в руки не взяли, из моих писаний ни одной строчки не прочли...»

Рассказав про это, Фёдор с каким-то удивлением, даже недоумением повёл глазами по стиснутым рядам собственных книг, молвил: «А эта, вишь, интересуется!»

Это он о новой подружке Тоськиной. Бывшей, похоже. Впрочем, почему – бывшей? И сегодня за одной партой сидели, шушукались. Только Тоська была какая-то другая, не понравилась ей. Наподобие собачёшки подружке в глаза заглядывала, ранец её после уроков взялась нести, будто у той животик вава.

Боже, какую вчера Тоська истерику закатила! Глаза – по блюдцу, голос визгливый. На срыве. Вы – быдло, вы не умеете жить! А вот у неё отец, а вот у неё мать! Говоришь, в одном классе с её отцом, говоришь, двоечником был? А он сейчас... Ты просто завидуешь! У вас... даже телевизор допотопный! Даже видика нет!.. Заслуженная! Слепеньш над тетрадками, а зарплату по полгода... Ты, отец, тоже! Мозговой центр завода! Где, где он, твой завод? Где твои мозги? Бич ты, бич, бич!..

Враз отрезвевший Фёдор потянул ремень из брюк... Еле удержала: ремнём ни слезы не высушишь, ни ум не вколотишь. И Тоську обняла, рядом на том самом диване вместе и поревели. Так и уснула в мамкиных объятиях, крупно и редко всхлипывая.

Выяснилось: удостоилась Тоська чести побывать в гостях у подружки. А там, оказывается, всё не как у нормальных людей: дом умопомрачительный, с бассейном и сауной, охранники-мордовороты, собачки-волкодавы с телёнка. А ещё кухарка, горничная, массажистка, поломойки... И подали подружкам длиннющее меню: что будете кушать, девочки?

А дома – не всегда и хлеба, картошки досыта.

Где Тоська? Сызна у неё? Ох, отбить, разлучить надо, не по ней, не по нас это подружество, у Тоськи возраст такой, опасный... Но девочка-то, подружка, неплохая. Нет, неплохая. Как мышка врылась, вкопалась, как белочка, вгрызлась в их библиотеку, выхватывала, листала – одну, другую, третью! Аж голос пересыхал, рвался: «А у

нас таких нет, у нас другие...» Глазёнки изумлённые, жадные: мне б такие!..

«Да какие ж у нас? Конечно, не теперешние, конечно ж, тогдашние». – Хозяйка вывернулась от подоконья к гостиной, распрямилась, похватавшись за поясицу, сощурилась, привыкая к полусумраку её, всматриваясь в книжные полки, ярусами поставленные к торцевой стене. Вроде не так уж и много, а сколько эти книги пережитых страстей вместили, сколько трагедий и радостей, сколько великих мыслей, прозрений и заблуждений. Жуть берёт, как подумашь, какие тени, какие умы тебя обступают! И какой песчинкой ты рядом с ними становишься, какими мелкими, пустячными, почти зряшными выглядят твои проблемы: неполученная зарплата, несовершенные школьные программы, уходящий, как на работу, муж – на бирже труда отмечаться – и возвращающийся с «нетом». Даже вон та половина потолка, залитая верхним соседом полгода назад, в серой осыпающейся парше, в стручках – ничто по сравнению... Взять и отремонтировать! Сосед же не отказывался, не отбрёхивался, спустился, три сотенных протянул... Где они, те сотенки? Другие срочные дыры нашлись – ремонт подождёт...

Суета, выживание. Но разве ж это всё – пустяк? Зряшное? Это и есть жизнь. Такая, какой заслуживаешь, какую сами себе сумничали. Расскази, напиши о ней, треклятой, писатель! В назидание. В поучение. Нетленку. О растленке. Чего на внуков-лоботрясов пенять, ежели сам прохлопал. Не углядел, когда они начали со своих двух опускаться на четвереньки. Они ему, видишь ли, свет засты! У вахтёра времени много, знай пиши, дорогой. Рукописи не горят. Найдутся и благодарные читатели... Хотя бы... про этого, бывшего одноклассника.

Какой он сейчас? Сто лет не видела. В школе девчонки не любили его. Глаза наглые, навыват, нижняя губа большая, вислая, презрительная, на ней, смеялись девчонки, можно нолики-крестики рисовать... Какой он сейчас? Доченька у него – ничего, симпатичная, смышлёная...

Ходит Нюра, Анна Ивановна, по комнате, тискает руки, похрустывает суставами...

ми пальцев, через раз – к окну: уж сумерки, уж по берёзе звезды вразброс, а Фёдора всё нет. И Тоська запропастилась, негодница. Вот придёт, она ей... У неё такой возраст! Избавь и сохрани, Господи, если ты есть! Кажется порой, что живые боги не бывают кропотливыми и милосердными, на людей нужны жестокие, карающие...

Щёлкнула клавишей телевизора – как раз время местных новостей. «Пока наш «Электрон» наэлектронится, – злится Тоська, – можно два раза Берлин взять и три раза Кремль». Дурёха, покажи пальцем на тех людей, которые могут взять. Хотя бы один раз! Вымерли, как мамонты...

Разогрелся, лопочет о том о сём «допотопный». На местные темы. Она слушает и не слушает, заглядывая и заглядывая в темень двора... Чего это диктор о модном ныне Карнеги, который весь мир учит, как покорять людей и зарабатывать миллиарды? «Несколько десятилетий назад Карнеги писал, что, цитирую, «почти каждый двадцатый житель штата Нью-Йорк в возрасте старше пятнадцати лет попадает в сумасшедший дом на семнадцать лет...» К чему это? Ах да, американцы ещё тогда все сумасшедшие были, а мы только сейчас сподобляемся этой чести... Каждый? Старше пятнадцати? Да Тоське ж пятнадцать! Ну где она запропастилась?!

Снова к окну, снова ухом к «допотопному», ну конечно, весёлой привычной скороговоркой – криминальная сводка: увеличилось, ужесточилось, умасштабилось... Господи, как жить?! Стоп, замри, Анна, отключи дыхание: «Только что нам сообщили... Два часа назад возле своего дома... Известный в городе криминальный авторитет... Очередью из автомата... Насмерть... Тяжело ранены двое случайных... Похоже, обычные криминальные разборки...» Что остановило-то? «Обычные»? Да фамилия же, фамилия! Того, бывшего одноклассника. Двоечника... Господи, да туда же Тоська, к подружке... «Двое случайных...» Боже мой, Тоська...

Не осознавая здравости, необходимости поступка, вывесилась из окна, отчаянно взывала в тёмную ямину:

– То-о-ска! То-о-осенька!..